

ЦЕРЕМОНИАЛ, ЭТИКЕТ И РАЗВЛЕЧЕНИЯ КНЯЖЕСКОГО ДВОРА РОМАНОВИЧЕЙ

Жизнь двора средневекового государя с ее разнообразием и неоднозначностью была в то же время сурово регламентирована и в будничных и в праздничных проявлениях. Двору любого европейского государства были присущи характер и порядок процедур и церемоний, распространенных в основных европейских монархиях. Не был исключением и двор галицких Романовичей, по своим богатству и пышности, особенно во времена существования восстановленного Даниилом Романовичем Галицко-Волынского княжества (1238–1264 г.), не уступавший ни дворам Венгрии и Польши, ни двору Ростово-Суздальского княжества. Утверждать так позволяют скупые, но порой красноречивые свидетельства древнерусских, центрально- и западноевропейских источников.

Популярная в последние годы в западной историографии тема княжеского двора практически не освещена в отечественной историографии (к которой отношу в равной степени и российскую, и украинскую). Можно вспомнить посвященную этой теме обстоятельную и серьезную статью В. Д. Назарова, основанную на северорусском материале¹. Двор Романовичей избран мною для исследования прежде всего по причине сравнительно подробного освещения его в источнике — Галицко-Волынской летописи, представляющей собой апологию династии, основанной Романом Мстиславичем, волынским, а с 1199 г. и галицко-волынским, князем. Кроме того, этот двор представляет собой исключительно яркое явление в парадной и повседневной жизни правящих структур древнерусского общества.

Придворному церемониалу и этикету, в частности инаугурационным торжествам, принадлежало важное место в деле легитимизации власти, ее прославления и повышения ее авторитета². Письменные сводки церемоний и этикетных норм жизни двора монарха, как это ни удивительно, появляются в европейских памятниках письменности довольно поздно: в конце XVI — первой половине XVII в., и это при том, что дворы большинства европейских монархий сложились раньше, по меньшей мере к XV в. Это же можно сказать и о Руси. Историки упоминают значительное количество трактатов и регистров этикетных и церемониальных норм и выделяют несколько среди них. К ним принадлежит «Французский церемониал», созданный в первой половине XVII в. видным юристом при дворе Людовика XIII Теодором Годфруа. Он приводит перечень и описание главных публичных церемоний двора, бытовавших в XIV—XVI в. К ним относятся: королевское посвящение (инаугурация), торжественный въезд монарха, свадьбы государей и членов их семейств, торжественные приемы, рождение королевских отпрысков, встречи пап и других монархов, торжественные процессии³. В той или иной степени придворные церемонии и дворцовый этикет отразились в древнерусских источниках, прежде всего в Галицко-Волынском своде.

Восхождение на стол

Тема восхождения (посажения) на княжеский престол отражена в Галицко-Волынской летописи вовсе не с теми полнотой и эмоциями, которых заслуживало это инаугурационное торжество. Но примем во внимание то обстоятельство, что занятие престола в условиях непрестанной борьбы Романовичей с боярством и внешним врагом не могло происходить особенно торжественно. Часто это случалось в обстановке, приближенной к боевой. В отдельных случаях источник все же придает определенную торжественность описанию этого события.

¹ Назаров В. Д. «Двор» и «дворяне» по данным новгородского и северо-восточного летописания (XII—XIV вв.) // Восточная Европа в древности и Средневековье. М., 1979.

² См. оригинальную работу польского исследователя: Dalewski Z. Władza prestrzeń ceremonial. Warszawa, 1996.

³ Польская С. А. Королевские постцеремониальные пиры в регламенте церемоний французского королевского двора // Двор монарха в средневековой Европе. М.; СПб., 2001. С. 235 и след.

В 1211 г. десятилетний Даниил Романович был возведен на стол Галича. Это произошло благодаря хитроумным политическим комбинациям при участии венгерского короля, нескольких западнорусских князей, волынского и галицкого боярства. Тогда король Андрей II был заинтересован в том, чтобы сын Романа Мстиславича, еще маленький мальчик, на время сел на галицкий престол. Нашему летописцу это было хорошо известно, поэтому, вероятно, он поместил в своем сочинении загадочное сообщение: «Король же Андрей, и бояре угорстии и вся земля хотяше дати дщерь свою за князя Данила, обѣма дѣтскама бывшима: зане сына у него не бѣ»⁴.

Это известие источника относится к весне 1211 г. Однако сын и наследник Андрея Бела родился еще в 1206 г. Убежден, что процитированный текст не что иное, как отголосок факта тройственного русско-венгерско-польского союза, заключенного еще при жизни Романа Мстиславича, в 1204 или в первые месяцы 1205 г.⁵ Полагаю, что галицкий повествователь поместил эту запись для того, чтобы объяснить поддержку Андреем II возведения малолетнего Романовича на галицкий престол.

Показательной выглядит формула, посредством которой составитель описал занятие Даниилом отцовского стола в 1211 г.: «Тогда же бояре володимерьстии и галичкыи... и воеводы угорскыя посадиша князя Данила на столѣ отца своего...»⁶. Эта церемониальная запись источника ясно и четко свидетельствует о том, кто тогда был подлинным хозяином в Галицко-Волынской Руси. Великое боярство, лидеры которого с почтением названы книжником (Вячеслав Владимирский и Владислав Галицкий), и посадило с согласия короля «отчича» в Галиче и земле, которые они считали принадлежащими себе. Сопровождающие приведенный текст слова летописца «король же Андрѣй не забы любви своея прѣвья, юже имѣаше къ брату си великому князю Роману»⁷ (стойкая в древнерусских источниках формула существования союзного договора между князьями) свидетельствуют о том, что Андрей II предпочитал тогда формально выполнять условия тройственного соглашения.

Совсем иначе выглядит запись Галицко-Волынского свода об овладении Галичем Даниилом Романовичем в 1238 г. Призванный горожанами стольного града, он собрал войско и двинулся на Галич. Подойдя к валам города, он обратился к жителям с вопросом: долго ли они будут терпеть власть «иноплеменных князей»? Речь шла о пришедшем из далекой Черниговской земли Ростиславе Михайловиче, у которого не было династических прав на Галич и землю. «Градские мужи», т. е. верхушка горожан, патрициат, с восторгом восприняли эти слова и бросились к Даниилу «яко дѣти къ отцу и яко пчелы къ матцѣ». Летописец с торжеством сообщил: «Данило же вниде въ градъ свой, и прииде къ пречистѣй и святѣй Богородици, и прия столѣ отца своего, и обличи побѣду и постави на Немецькыхъ вратехъ хоругвь свою»⁸.

В процитированном тексте Даниил властно завладевает Галичем. Горожане приветствуют въезд государя, бояре вынуждены покориться властелину, и все это с гордостью и радостью описывает преданный своему князю книжник. Собственно, в этом отрывке речь идет об инаугурации Даниила Романовича, но его краткость и отсутствие в древнерусской письменности традиции описания подобных торжеств лишают нас возможности в полной мере ощутить торжественность происшедшего. Все же можно понять, что инаугурация совершалась в храме Богородицы, ее вынужден был провести враждебный Даниилу епископ Артемий, о чем с иронией и торжеством сообщает летописец: «Епискупу же Артемию и дворьскому Григорию възбранящю ему, узрѣвшима же, яко не можета удръжати града, изыдоста слезныма очима и ослабенымъ лицемъ и лижюца уста своя, яко не имѣюца власти княжения своего, реста же с нужною: “Прийди, княже Данило! Прийми градъ”»⁹. Отсюда следует, что посажение на

⁴ Галицко-Волинський літопис. Дослідження. Текст. Коментар / За ред. М. Ф. Котляра. Київ, 2002. С. 79.

⁵ Котляр М. Ф. Коментар // Галицко-Волинський літопис. С. 176.

⁶ Галицко-Волинський літопис. С. 80.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 99.

⁹ Там же.

стол производилось совместно церковным иерархом и главой княжеского двора — дворским, который также враждовал со своим государем.

Дань дворцовому этикету воздается галицким писателем в рассказе о выезде старшего Романовича на войну. Перед нами едва ли не единственное описание парадной военной одежды русского князя в современном ему источнике. В конце 1248 — начале 1249 г. «присла король угорьский къ Данилу, прося его на помощь: “бѣ бо имѣ рать на бой с нѣмци”»¹⁰. Бела IV после сокрушительного поражения его войска в битве с войском Даниила в 1245 г. возле г. Ярослава на время отказался от планов захвата Галицкой земли. Вместе с тем король рассчитывал на помощь сильных Романовичей в соревновании за австрийское наследство герцога Фридриха Бабенберга, погибшего в 1246 г. в войне с Венгрией. Даниил откликнулся на призыв Бела и отправился на войну. Союзники встретились в Братиславе (Прессбурге).

Итак, Даниил во главе «воев» своего двора торжественно въезжает в Братиславу: «Бѣ бо конь подь нимъ дивлению подобенъ, и сѣдло отъ злата жъжена, и стрѣлы и сабля златомъ украшена, и иными хитростями, яко же дивитися, кожухъ же оловира грецького, и круживы златыми плоскими ошитъ, и сапозы зеленого хъза шити золотомъ»¹¹. Роскошному одеянию, драгоценному вооружению и великолепному коню государя соответствовала и прекрасно вооруженная и снаряженная его «малая дружина»: «Нѣмци же дивящюся оружию татарьскому: бѣша бо конѣ въ личинахъ и въ коярѣхъ кожаныхъ, и людие во ярыцѣхъ...»¹².

Даниил Романович заимствовал у монголов надежное и вместе с тем легкое защитное снаряжение, изготовленное из толстой (бычьей) кожи, вероятно, с металлическими накладками. Кожаные шлемы («личины») защищали голову коня, а попоны («кояре») — его тело. Точно так же всадники были в легких и прочных кожаных латах («ярыцах»). Из-за того, что кожа не сохраняется в абсолютном большинстве грунтов, такие кожаные латы, шлемы и попоны до сих пор не найдены, да и особенной надежды обнаружить их у археологов нет.

Династические браки

Важной составляющей церемониала двора были межгосударственные (междукняжеские) браки, происходившие обычно из государственных соображений. Издавна они служили весьма эффективным средством заключения и упрочения дружественных и военных союзов между главами русских княжеств. Известны из источников и исследованы историками международные брачные связи русских княжеств древнерусского времени. Меньше внимания уделялось историками династическим бракам в среде самих Ярославичей. Между тем, они, так же как и межгосударственные, успешно использовались в междукняжеских отношениях на Руси.

Эпохе удельной раздробленности была присуща постоянная и временами особенно острая напряженность в отношениях между государями тех или иных княжеств. Подписывалось множество соглашений, большинство которых сразу же нарушалось. Ведь реальных гарантий их выполнения просто не существовало. Поэтому династические браки принадлежали к числу наиболее относительно надежных «печатей», скреплявших мирные, дружественные и союзные соглашения.

Вряд ли можно считать случайным то обстоятельство, что известия летописцев о подобных браках на Руси делаются частыми лишь с середины XII в. Несомненно, они заключались и раньше, но летописцы мало писали о них, вероятно, не придавая им того значения, которое они приобрели с началом удельной раздробленности. До этого можно вспомнить два династических брака, состоявшихся накануне развертывания процессов дробления государства, в 1143 г.: киевский государь Всеволод Ольгович женил сына Святослава на дочери полоцкого князя Василька Рогволодовича Марии¹³, а претендент на киевский

¹⁰ Там же. С. 111.

¹¹ Там же. С. 112. Оловир — затканная золотом шелковая ткань, хъз — сафьян.

¹² Галицко-Волинский летопис. С. 112.

¹³ Baumgarten N. Généalogies et mariages occidentaux des Rurikides Russes du X au XIII siècle. Roma, 1927. Tabl. IV. № 22. P. 20.

стол Изяслав Мстиславич, князь волинский, «отда дочь свою Полотьску за Борисовича за Рогволода»¹⁴. Вероятно, оба князя стремились заручиться поддержкой полоцких князей, обычно не принимавших участия в соперничестве за Киев, в будущем противостоянии за власть на Руси.

Но если браки 1143 г. преследовали все же частные, тактические цели, то действия на брачном поприще Юрия Долгорукого в разгар войны за Киев с племянником Изяславом Мстиславичем в 1150 г. имели целью сколотить союз против соперника, втянув в него клан Ольговичей и сильного тогда галицкого князя Володимерка Володаревича: «Вда Гюрги дочь свою (Елену¹⁵) за Святославича, за Олга, другую (Ольгу¹⁶) за Володимирича за Ярослава в Галичь»¹⁷.

Наступление XIII в. принесло Древнерусскому государству углубляющуюся децентрализацию. Однако государи Севера и Юга продолжали заключать союзы и улаживать отношения при помощи все тех же династических браков. В 1219 г. Даниил Романович не сумел силой овладеть Галицким столом, потому что бояре при содействии польского государя Лешка Белого посадили в Галиче новгородского князя Мстислава Мстиславича из рода смоленских Ростиславичей. Поэтому придворные советники Даниила решили заключить династический союз с Мстиславом: «Поя у него [Мстислава] Даниль дщерь именемъ Анну, и родишася у него сынове и дщери: пръвенець бо бѣ у него Ираклѣй, по немъ же Левъ, по немъ Романъ, Мъстиславъ, Шварно, инии бо млади отъидоша свѣта сего»¹⁸.

Преданный Романовичам автор, полагаю, вовсе не по своему многословию перечислил сыновей Даниила: то было своеобразное прославление династии, особенно если принять во внимание византийские имена старших княжичей Ираклия, Льва и Романа. До сих пор мне остается непонятным появление этих имен в клане Романовичей. Некоторые историки думали, что то была дань матери Даниила, будто бы принадлежавшей к византийской аристократии¹⁹. Однако версия византийского происхождения второй жены Романа Мстиславича, матери Даниила и Василька, не подтверждается источниками. Вероятнее всего, она была волинской боярыней²⁰.

Уже в зрелом возрасте, когда первая жена Даниила Анна умерла, он из политических соображений — дабы скрепить союз с Литвой — перед 1252 г. женился на племяннице князя Мендовга²¹. Но брачный союз не принес желаемого Даниилом результата: и во времена Мендовга мирные договорные отношения с Литвой перемежались военными противостояниями. В 1252 г. литовский князь проиграл большую войну Даниилу, потеряв Черную Русь и треть контролируемой им ранее Земли ятвягов. Поэтому он был вынужден просить мира у галицко-волинского государя: «Присла Миндовгъ къ Данилу, прося миру и хотя любви о сватѣствѣ»²². Конечно же, процедуре заключения брака, тем более династического, предшествовали сватовство, сговор и пр., но источники пишут об этом скупо и нерегулярно. Дело тянулось долго, вероятно, Даниил не доверял неверному литовскому князю. Наконец, в 1254 г. сын Мендовга Войшелк от имени отца «сътвори миръ съ Даниломъ, и вда дщерь Мендогову за Шварна [сына Даниила], сестру свою»²³.

Можно присоединиться к мнению авторитетного исследователя, что соглашение с Литвой 1254 г., наряду с завершением в то время покорения Ятвяжской земли, было выгодно Даниилу в стратегическом плане. Оно отодвинуло рубежи Галицко-Волинского княжества на север. Сыновья же Даниила Шварн и Роман, получившие волости в литовских землях, осуществляли его политическое влияние на литовских князей²⁴.

¹⁴ Летопись по Ипатскому списку. СПб., 1871. С. 224; ср.: ПСРЛ. Л., 1927. Т. I. Стб. 310.

¹⁵ Донской Д. Справочник по генеалогии Рюриковичей. Ренн, 1991. № 153. Ч. 1. С. 68.

¹⁶ Летопись по Ипатскому списку. С. 422.

¹⁷ Там же. С. 275.

¹⁸ Галицко-Волинский літопис. С. 82.

¹⁹ См., напр.: Grala H. Drugie malżeństwo Romana Mstisławowicza // *Slawia Orientalis*. Warszawa, 1982. R. XXXI. № 3–4.

²⁰ Котляр М. Ф. До питання про візантійське походження матері Данила Галицького // *Археологія*. Київ, 1991. № 2.

²¹ Галицко-Волинський літопис. С. 112; см.: Baumgarten N. *Généalogies et mariages occidentaux des Rurikides Russes du X au XIII siècle*. Tabl. XI. № 4.

²² Галицко-Волинський літопис. С. 113.

²³ Там же. С. 117.

²⁴ Грушевський М. *Історія України-Руси*. Львів, 1905. Т. III. С. 81–82.

Но высшим достижением брачной дипломатии Даниила Романовича следует считать женитьбу его старшего сына Льва на венгерской принцессе Констанции. С юных лет Романовичам приходилось отражать наступление Венгерского королевства на Галицкую землю, напрягая все силы и используя все средства. Изменники-бояре неоднократно сажали венгерских королевичей на стол Галича, призывали короля захватить Галицкую землю.

Решительный поворот в галицко-венгерских отношениях наступил лишь после 1245 г., когда Даниил Романович сначала разгромил венгерское войско, приведенное его соперником Ростиславом Михайловичем Черниговским, а затем благополучно вернулся из Орды с ярлыком на Галицко-Волынское княжество. В 1246 г. «присла король угорьскый [к Даниилу]... река: "Поими дщерь мою за сына своего Лва"». Галицкий летописец откровенно объяснил неожиданное, на первый взгляд, брачное предложение Бела IV: «Боряше бо ся его [Даниила], яко был бѣ у Татарехъ, побѣдою побѣди Ростислава и угры его»²⁵. Это признал и сам венгерский король в письме к папе Иннокентию IV²⁶. В то время Бела IV начал войну с Австрией и, очевидно, надеялся опереться на Галицко-Волынское княжество, восстановленное Романовичами в 1245 г.

Однако Даниил не спешил принимать брачное предложение короля, которое охотно принял бы несколько лет назад, — теперь он чувствовал себя полным хозяином положения в Галицко-Волынской Руси. Князь «помысливъ же си съ братомъ, глаголу его [короля] не уя вѣры». Тогда Бела IV воспользовался пребыванием в Венгрии Галицкого митрополита Кирилла и всячески уговаривал его помочь в подписании брачного соглашения с Даниилом. Митрополит поставил условие королю: «Клятвою клени ми ся, аще не премениши слова своего». Получив нужные уверения от короля, Кирилл посоветовал Даниилу согласиться на брак своего сына с королевной, после чего галицко-волынский государь «сътвори с нимъ [Белой IV] миръ»²⁷. С этого времени отношения между Галицко-Волынским княжеством и Венгрией оставались в основном дружественными, чему способствовала женитьба Льва на Констанции.

Придворные развлечения

Точно так же, как и дворы западноевропейских монархов, княжеский двор Романовичей был своеобразным театром роскошной жизни государя. Это имело тем большее значение для Даниила Романовича, поскольку окружавшая его реальность далеко не всегда соответствовала представлению о подобной жизни. Исполненное головокружительных приключений, драматических событий, в которых жизнь князя и его брата Василька не раз висела на волоске, его жизнеописание, которому посвящена большая часть Галицко-Волынского свода, оставляет все же впечатление, что Романовичи уделяли много внимания придворному церемониалу и развлечениям. Летопись немало пишет о прославлении князей их окружением, в большинстве своем относившимся ко двору.

Певцы и трубадуры. Как известно, Галицко-Волынский свод открывается возвышенным панегириком основателю династии Романовичей. Истоки этой летописной похвалы Роману Мстиславичу берут начало в древнерусском фольклоре: «Созданию песен и сказаний способствовала колоритная биография этого князя, сидевшего и на новгородском и на киевском столах, объединявшего власть над Вольнью и Галичем, воевавшего то с Ятвягами, то с Польшей, то громившего половцев, то решительно расправлявшегося со своей женой, тещей и тестем, которых он разом постриг в монахи, невзирая на то, что его тесть — сам великий князь киевский Рюрик Ростиславич»²⁸. Б. А. Рыбаков полагал, что панегирик Роману имел в основе, вероятно, какую-то «славу», «хвалу» князю, составленную придворным поэтом, подобным «словутному певцу Митусе», одно время служившему его сыну Даниилу.

Из устного народного источника почерпнут и следующий текст панегирика: «Ревна же [Роман] бо деду своему Мономаху, погубившему поганья измаилтяны, рекомья половци, изгнавшю Отрока во

²⁵ Галицко-Волынский летопис. С. 110.

²⁶ Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis / Ed. Fejer. Budaе, 1829. Т. IV. V. 2. P. 220–221.

²⁷ Галицко-Волынский летопис. С. 110.

²⁸ Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963. С. 151.

Обезы, за Железные врата. Сырчанови же оставшию у Дону, рыбою ожившию...»²⁹. Фольклорный характер рассказа о славной борьбе прапрадеда Романа Владимира Всеволодича Мономаха против натиска Половецкой степи, начинающегося этими словами, уже давно замечен учеными. Высказано предположение, что панегирик Мономаху создан под влиянием половецкого эпоса, а некоторые ученые видели в нем даже отрывок из того эпоса, поскольку текст панегирика содержит немало черт для характеристики половецких быта и обычаев³⁰.

Прославляя Даниила и Василька Романовичей, галицкий и волынский книжники не раз подчеркнут их родовую связь с далеким знаменитым предком, основателем рода Мономашичей. Рассказывая о событиях 1227 г., летописец утверждает, что волынский князь Мстислав Немой «ужика [родич] сый Роману отъ племени Володимеря, прироком [прозвищем] Мономаха... бѣ бо велику любовь имѣа къ отцю его [Даниила]», т. е. к Роману, — не в последнюю очередь, вероятно, потому, что тот принадлежал к славному «племени Володимеря».

Через четверть века в описании победоносной войны Романовичей против агрессивных ятвяжских князьков, терзавших почти ежегодно северо-западные рубежи Волыни, книжник восклицает: «И многы христианы отъ плѣнениа избависта, и пѣснь славну пояху има [Романовичам]... и прийдоста съ славою на землю свою, наслѣдивша путь отца своего великого князя Романа, иже бѣ изострился на поганья, яко левъ, имъ же половци дѣти страшаху»³¹. Вижу здесь откровенный перепев панегирика Роману и Мономаху на первой странице сохранившейся части Галицко-Волынской летописи. А слова «пѣснь славну пояху има» могут свидетельствовать о прославлении Романовичей в современной им поэзии, вероятнее всего — в дружинной. Так создавалась историческая и вместе с тем поэтическая память этим князьям в летописи и памятниках устного народного творчества.

Творцы Галицко-Волынского свода постоянно подчеркивают, что своим мужеством и воинскими подвигами Романовичи достойно продолжили полководческую деятельность великого отца. После громкой и сокрушительной победы Даниила над ятвягами в 1254/55 г., поставившей этот народ на грань уничтожения, летописец с гордостью за своего героя замечает: «Яко дань платили суть ятвязи же королеви Данилу, сынови великаго князя Романа. По великомъ бо князи Романѣ никто же не бѣ воевал на нѣ [ятвягов] в рускыхъ князехъ, развѣ сына его Данила»³². Действительно, в 1196 г., по сообщению Киевской летописи, «ходи Романъ Мъстиславичъ на ятвягы отомъщиваться: бяхуть бо воевали волость его, и тако Романъ вниде в землю ихъ; они же не могучи стати противу силъ его, и бѣжаша во свои тверди...»³³. В этих кратких словах просвечивает величественный образ того Романа, который бросался на половцев, словно лев...

Не единожды галицкие и волынские книжники, истинные люди княжеского двора (даже если они формально и не входили в его состав), любят «славами», которые провозглашали Романовичам современники. По их мнению, иначе и нельзя было относиться к Роману и его славным потомкам. Поэтому с искренним возмущением повествователь рассказывает о том, как по велению Даниила Романовича был подавлен очаг боярского сопротивления в Перемышле. Был взят в плен знаменитый древнерусский певец, своеобразный трубадур, воспевавший, можно думать, боярские вольности, феодальную анархию и превозносивший сопротивление бояр своим князьям: «Словутнаго певца Митусу, древле за гордость не восхотѣвшу служити князю Данилу, раздранаго акы [как] связаннаго приведоша...»³⁴. Такая «гордость» Митусы (наверное, уменьшительное имя от «Дмитрий») удивила и огорчила книжника, ибо «слава» Романовичей происходила от их великих дел.

²⁹ Галицко-Волинський літопис. С. 77.

³⁰ Пархоменко В. А. Следы половецкого эпоса в летописях // Проблемы источниковедения. М.; Л., 1940. Сб. 3. С. 391–393.

³¹ Галицко-Волинський літопис. С. 111.

³² Там же. С. 119.

³³ Летопись по Ипатскому списку. С. 471.

³⁴ Галицко-Волинський літопис. С. 105.

Судя по рассказам Галицкого летописца, перемышльский епископ имел пышный и богатый двор. При этом дворе и жил «словутный певец Митуса», о котором летописец с иронией говорит, что когда-то он из гордости не пожелал служить Даниилу Романовичу, а теперь его привели к князю ободранного, избитого и связанного. В глазах галицкого писателя, искренне сочувствовавшего государственным планам и делам Даниила, этот Митуса был, вероятно, возмутительным олицетворением разрушительной боярской и церковной анархии.

Науке почти ничего не известно о театральном и музыкальном искусстве Древней Руси. На фресках Софийского собора в Киеве изображены акробаты, но нет уверенности в том, что это русские, а не византийские артисты. Точно так же неясно, византийский или русский орган изображен на одной из фресок. Ученые хорошо знают, что на Руси X—XIII в. существовала прекрасная историческая литература (летописи) и выдающиеся литературные произведения, например «Слово о полку Игореве». Но почти ничего не ведомо о певцах, сказителях былин, исполнителях дружинных песен. Тем ценнее представляется краткий рассказ летописца о знаменитом певце Митусе, человеке, как видно, независимом и гордом.

Об этом средневековом артисте, вероятно, очень высокого уровня, ученые узнали случайно — лишь потому, что его жизненный путь пересекся с путем великого князя Даниила Романовича. Волей судьбы Митуса оказался вовлеченным в политическую борьбу в Галицко-Волынской княжестве и стал ее жертвой, как обычно случается с людьми, далекими от политики, чаще, наверное, других — с художниками.

Мы знаем, что люди этой профессии жили и творили в разных городах Руси. Киевская Русь издавна обладала придворными поэтами и певцами. Достаточно вспомнить Бояна, воспетого в «Слове о полку Игореве»: «Боянь бо вѣщій, / аще кому хотяше пѣснь творити, / то растѣкашеться мыслию по древу, / сѣрымъ вѣлкомъ по земли, / шизымъ орломъ подѣ облакы»³⁵. В последние десятилетия исследователи все больше склоняются к мысли, что «Слово» долгое время жило в устной форме, исполняясь певцами на княжеских собраниях и пирах.

Время от времени в русские летописи и западноевропейские исторические сочинения и хроники попадали песни и отрывки песен, сочиненные галицкими придворными поэтами и певцами. Польский средневековый историк Ян Длугош (XV в.) привел отрывок песни, составленной при дворе тестя Даниила Романовича Мстислава Удатного. А Галицко-Волынская летопись, как упоминалось, открывается величальной песней (панегириком) Роману Мстиславичу, созданной в духе высоких образцов средневековой поэзии. Его сыновья Даниил и Василько имели при своих дворах подобных певцов, о чем узнаем из нескольких упоминаний галицкого книжника 50-х годов.

Наиболее вероятным выглядит предположение, что Митуса и был таким придворным поэтом, певцом большой славы, как подчеркнул даже не симпатизировавший ему галицкий летописец. Возможно, он исполнял речитативом собственные песни под аккомпанемент арфы (гуслей) или лютни. Приходит на ум образ почти современника Митусы — всемирно известного провансальского трубадура Бертрана де Борна (XII в.), автора и исполнителя зажигательных и воинственных песен-сирвент, воспевавших феодальные «мятежи» (о которых столь часто упоминает Галицко-Волынская летопись) и войны. Больше всех восхвалялись те князья и короли, которые беспрестанно воевали — то с врагами страны, то между собой. Дожив до преклонного возраста, Бертран де Борн решил лучше умереть от руки врага в сражении, чем тихо отдать душу Богу от старости и болезней в собственной кровати...

Трубадуры, особенно те, которые жили при дворах больших и спесивых сеньоров, прославляли феодальную анархию, выступали против централизации средневековых государств и сильной королевской власти. Кажется, именно таким и был Митуса.

Пирьы, рыцарские поединки, ловы

Пирьы принадлежат к древнейшим ритуалам княжеского двора. Они зародились в седой древности, когда двор как властная структура еще не возник, а князь был окружен дружинниками и

³⁵ Слово о полку Игореве / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950 (Литературные памятники). С. 9.

пировал с дружиной. В представлении многих почитателей отечественной старины киевский государь Владимир Святославич, креститель Руси, едва ли не больше всего был славен своими пирами. Пирья являются непрменной принадлежностью былин так называемого Киевского цикла, главным героем которых выступает Владимир Красно Солнышко.

Историки неоднократно отмечали, что властные лица и структуры на Руси и во всем средневековом мире устраивали пиры с целью своей легитимизации и репрезентации. Пирья были также важной формой взаимодействия власти и населения³⁶. Наконец, государь стремился таким образом завоевать симпатии народа. Вероятно, эту цель ставил перед собой Ярослав Владимирович, устроивший праздник после освящения храма в честь Бориса и Глеба. Этот праздник и был пиром³⁷: «Створи же христолобець пиръ великъ, праздникъ святою, не токмо болярюмъ, но и всѣмъ людемъ...»³⁸.

Иными были предназначение и характер княжеских пиров во времена галицких Романовичей. На них князья, вероятно, уже не «думали» с дружиной, не пополняли ее состав. Главной функцией пиров Даниила и Василька было дружественное общение с людьми двора и привлечение на свою сторону тех бояр, которые колебались в своих политических пристрастиях. Летопись донесла до нас сведения о том, что на этих пирах оппозиционно настроенные бояре вели себя порой откровенно враждебно. Осенью 1230 г. мятежные бояре сговорились с двоюродным братом Даниила Александром Всеволодичем, князем белзским (на Волыни), дабы убить Даниила. Для этого решились использовать княжеский пир в его дворце: «Сѣдѣщимъ же имъ в доме³⁹ и хотящем [боярам] огнемъ [дворец] зажещи»⁴⁰. Лишь счастливый случай спас тогда Романовичей.

Продолжая повесть о происках галицких олигархов против своего государя, книжник с горечью напоминает: «И нѣкогда ему [Даниилу] в пиру веселящуся, одинъ отъ тѣхъ безбожныхъ бояръ лице зали ему чашею, и то ему стерпѣвшю; иногда же Богъ да имъ възмездие»⁴¹. Перед нами редкий случай, когда галицкий писатель осуждает своего государя за мягкость в отношении боярского рода Молибоговичей, ведь именно «одинъ отъ тѣхъ безбожныхъ бояръ» смертельно оскорбил его. Мне уже приходилось писать о том, что вряд ли повествователь отразил действительное событие: государь, к тому же храбрый и гордый рыцарь, не стерпел бы публичного оскорбления от своего вассала. Думаю, что мы имеем дело с распространенным в средневековом западноевропейском рыцарском фольклоре символом самой страшной обиды, которую может причинить слуга господину. Наверное, этот рассказ родился в кругу ближних сподвижников Даниила Романовича, его «младшей дружины»⁴².

Поединки, турниры. Некоторые историки считают, что не без влияния европейских рыцарских традиций мог появиться в Галицко-Волынской Руси обычай проведения рыцарских турниров и поединков. Впрочем, обычай решать судьбу сражения в поединке двух лучших витязей был распространен на Руси и фиксируется нашими летописями с давнего времени. Припомним полулегендарную историю поединка между обычным русским парнем и печенежским богатырем, поведенную летописью под 992 г.⁴³

Точно так же решили судьбу войны в поединке между собой русский князь Мстислав Владимирович и касожский⁴⁴ — Редедя. Причину войны можно усматривать в отказе Редеди платить

³⁶ Гуревич А. Я. Пир // Словарь средневековой культуры. М., 2003. С. 359–360.

³⁷ Лукин П. В. Сакральное пространство древнерусского пира // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 2006. Т. XVIII. С. 117–118.

³⁸ Абрамович Д. И. Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Пг., 1916. С. 19.

³⁹ В одном из списков Галицко-Волынского свода читается: «в думѣ», что вряд ли могло быть простой опiskeй. Можно допустить, что князь собрал тогда совет из ближайших и наиболее доверенных бояр.

⁴⁰ Галицко-Волыньский літопис. С. 93.

⁴¹ Там же. С. 94.

⁴² Котляр М. Ф. Галицко-Волыньский літопис. Київ, 1993. С. 50.

⁴³ Повесть временных лет / Подг. текста, перев., статьи и комм. Д. С. Лихачева. 2-е изд. СПб., 1999. С. 55.

⁴⁴ Касоги — летописное название северокавказского народа адыгов или черкесов.

дань Мстиславу, княжившему в те годы в Тмуторокани. Биться предложил Редедя. Мстислав согласился. Начали они бороться, стал изнемогать Мстислав, «бѣ бо великъ и силенъ Редедя». Тогда русский князь начал молить Богородицу помочь ему, пообещав в случае победы возвести церковь в ее честь. И молитва помогла: «И се рекъ, удари мѣ [Редедей] о землю. И вынзе ножь, и зареза Редедю», после чего касоги признали себя побежденными, а Мстислав завладел землей Редеди, его добром, семьей и наложил дань на касогов⁴⁵. И в позднейшие времена поединок двух богатырей если и не решал исход битвы, то открывал ее. Приходит на ум единоборство между русским богатырем Пересветом и татарским витязем в самом начале Куликовской битвы 1380 г.

Следовательно, рыцарские ристалища не были чужды русским воинам и военачальникам. Не брезговали ими и сами князья. Галицко-Волынский свод донес до нашего времени по меньшей мере два случая поединков, первый среди которых был шуточным. Выше рассказывалось о том, как осенью 1230 г. враждебные Романовичам бояре собрались поджечь их дворец во время торжественного обеда (пира), данного им князьями. Их спас Василько: «Богу вложившо въ сердце Василку изыти вонъ, и обнажившо мечь свой играа на слугу королева, иному подхвativшо щитъ играючи...»⁴⁶. Надо думать, имитация поединка была столь умелой, а Василько и его соперник дрались так азартно, что бояре Молибоговичи решили: теперь уж Романовичи возьмутся за них с мечами в руках, и бросились бежать, вопя: «Свѣтъ [заговор] нашъ раздрусися!»

Комментируя этот текст, П. Васин счел, что «слуга королев» — рыцарь венгерского короля⁴⁷, однако в летописном тексте ни о каком венгерском рыцаре не упоминается. Прав был В. Т. Пашуто, когда написал, что князь Василько в шутку обнажил меч «на одного из княжеских слуг»⁴⁸. Хотя коронация Даниила в Дорогичине венцом, присланным папой, состоялась осенью 1253 г., позднейший редактор Галицко-Волынского свода именует его королем задолго до этого, по меньшей мере, с рубежа 20—30-х годов XIII в., о чем, вероятно, не знал П. Васин.

Настоящий рыцарский турнир устроил многолетний соперник Даниила Романовича в деле овладения галицким столом черниговский княжич Ростислав. Вторгшись с венгерским войском и отрядами мятежных галицких бояр в Галицкую землю летом 1245 г., он не смог овладеть хорошо укрепленными городами-крепостями Перемышлем и Ярославом и топтался возле валов последнего, теряя столь важное в военных действиях время. Галицкий книжник с иронией отметил: «Гордящю же ся ему [Ростиславу] и сътвори игру предъ градомъ, и сразившося ему съ Воршемъ, и падеся подъ нимъ конь, и вырази собѣ плече, и не на добро случися ему знамение»⁴⁹.

Краткий рассказ источника бросает свет на интересную и важную для Руси в целом страницу светской жизни в Галицко-Волынском княжестве. Ростислав Михайлович затеял рыцарский турнир по западноевропейскому образцу возле осажденного им города и лично принял в нем участие, скрестив копьё с Воршем, возможно, тем самым польским рыцарем, который упоминается в Волынской части летописи около 1266 г.⁵⁰ В сентенции летописца, которой завершается рассказ о поединке Ростислава с Воршем, присущий историку-христианину провиденциализм соединен с верой в дурные приметы.

Следует все же сказать, что обычай устраивать рыцарские турниры не был характерен для Руси: все известные из летописей случаи такого рода относятся к иностранным рыцарям или в них наряду с русскими участвуют иноземцы.

⁴⁵ Повесть временных лет. С. 64.

⁴⁶ Галицко-Волынский літопис. С. 93.

⁴⁷ Васин П. Игрушки русских рыцарей // Родина. 2003. № 11. С. 108.

⁴⁸ Пашуто В. Т. Черты политического строя Древней Руси // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 64.

⁴⁹ Галицко-Волынский літопис. С. 107.

⁵⁰ Там же. С. 129.

Ловы

Охота была любимым развлечением верхушки феодального общества на Руси и в других странах средневековой Европы. Поэтому книжники, выполняя сугубо пропагандистские задачи двора, всячески расписывают охотничьи свершения князей, ставят сиятельных ловцов в пример обществу. Уже в первом среди дошедших до нас литературных произведений Древней Руси «Поучении детям» Владимира Всеволодича Мономаха (первые десятилетия XII в.) читаем: «А се тружахъся, ловы дея... конь диких своима руками связаль есмь въ пущахъ 10 и 20 живых конь... Тура мя метала на розѣх и с конемъ, олень мя одинъ боль, а 2 лоси, одинъ ногами топгаль, а другый рогома боль, вепрь ми на бѣдре мечь отгяль, медвѣдь ми у колѣна подъклада укусилъ, лютый звѣрь скочилъ ко мнѣ на берды и конь со мною поверже. И Богъ неврежена мя съблюде»⁵¹. Этот лютый зверь, по мысли некоторых исследователей, не что иное, как рысь.

Владимир Всеволодич в «Поучении» гордится своими охотничьими подвигами так же явно, как и воинскими свершениями. Столь высоко ценило феодальное общество «ловецкое» умение государя! Немного ниже в «Поучении» он подчеркивает свое внимание к ловам и ловчим и заботу о них: «И в ловчих ловчий нарядъ сам есмь держаль, и в конюсѣх, и о соколѣхъ и о ястребѣхъ». Князь ставил войну и охоту на одну доску, о чем можно судить из следующих его слов: «Еже было творити отроку моему, то сам есмь творилъ, дѣла на войнѣ и на ловѣхъ, ночь и день, на зною и на зимѣ, не дая собѣ упокою»⁵².

На последних страницах Галицко-Волынского свода его составители с симпатией описывают племянника Даниила волынского князя Владимира Васильковича, восхваляя различные достоинства этого действительно выдающегося человека. Смертельно больной в то время государь раньше был прославленным на Руси охотником: «Бяше бо и самъ ловець доборь и хороборь, николи же къ вепреви, но къ медведеви не ждаше слугъ своихъ, а быша ему помогли, но скоро самъ убиваше всякий звѣрь. Тѣмъ же и прослыль бяше въ всей земли, понеже даль бяше ему Богъ васнь [возможно] не токмо на одинѣхъ ловѣхъ, но въ всемъ, за его добро и правду»⁵³. В этих растроганных и восхищенных словах проступает взгляд волынского общества на государя: он был образцом во всем, ведь храбрость и умение на ловах принадлежали к числу главных достоинств властелина.

Охотничья сноровка и отвага были в глазах современников важным качеством главного героя Галицко-Волынской летописи Даниила Романовича. Даже во время военных действий князь не забывал об охоте. В 1251 г. давний враг Романовичей новгород-северский князь Изяслав Владимирович вдруг напал на Галич. Услышав об этом, Даниил послал против него сына Романа, а сам поехал проводить своих «воев»: «Едуцю же ему до Грубешева⁵⁴, но убивъ вепрьвѣ 6, самъ же уби рогатиною 3, а отроди его [3], и въдасть мяса воемъ на путь»⁵⁵. Ходить с рогатиной на столь могучего и злого зверя, каким был и ныне остается дикий кабан, под силу разве что молодому и сильному мужчине. Даниилу же тогда уже исполнилось 50 лет — возраст по тому времени очень солидный.

Охота принадлежала к основным публичным светским развлечениям государей. В 1164 г. галицкий князь Ярослав Владимирович заключил направленный против Византии союз с Венгрией и поддержал соперника императора Мануила I Андроника Комнина. Киевская летопись сообщила, что «прибѣже ись Царягорода братанъ царевъ кюръ Андроникъ къ Ярославу у Галичь, и прия и Ярославъ с великою любовью, и да ему Ярославъ нѣколикко городовъ на утѣшение»⁵⁶. Андроник подружился с галицким государем, принимал участие в его пирах и ловах, отличившись в опасной охоте на громадных туров. Он даже заседал в ближней думе Ярослава вместе с боярами⁵⁷.

⁵¹ Повесть временных лет. С. 104.

⁵² Там же. С. 104–105.

⁵³ Галицко-Волыньский літопис. С. 143–144.

⁵⁴ Волынский город, основанный, вероятно, самим Даниилом Романовичем в начале 40-х годов XIII в.

⁵⁵ Галицко-Волыньский літопис. С. 117.

⁵⁶ Летопись по Ипатскому списку. С. 359.

⁵⁷ Nic. Chop. De Andron. II. 11. Ed. Bonn. P. 452.

Обмен дарами. Не случайно князья преподносили дорогие подарки друг другу: соколов, ястребов, охотничьих собак и даже гепардов («пардусов»), использование которых на ловах неоднократно фиксируется древнерусскими источниками. Недаром великий воин Руси Святослав Игоревич сравнивается в Начальном своде с гепардом: «Князю Святославу възрастышо и възмужавшо, нача вои совокупляти многи и храбры, и легко ходя, аки пардусъ, войны многи творяше»⁵⁸.

А в 1147 г. в Москве встретились враги Изяслава Мстиславича Киевского Святослав Ольгович и Юрий Долгорукий. Святослав приехал на встречу «в малъ дружине», т. е. с военными людьми своего двора, сын же его «Олегу же ѿхъ напередъ къ Гюргеви, и да ему пардусъ»⁵⁹. Минет немногим более десяти лет, когда тот же Святослав Ольгович встретится с главой смоленских Ростиславичей, младшим братом Изяслава Мстиславича Ростиславом, только что занявшим киевский «золотой стол». Ростислав сразу же позвал на переговоры («на обѣдъ») Святослава, первого человека в клане чернигово-северских Ольговичей, давних соперников Мономашичей в борьбе за власть на Руси. Тот охотно откликнулся на приглашение Ростислава Мстиславича: «Святославъ же ѿхъ к нему безо всякого извѣта». Стороны обменялись дорогими дарами. Так, Святослав «да Ростиславу пардусъ и два коня борза»⁶⁰ — скорее всего, кони также предназначались для княжеской охоты.

Этикет, церемониал и придворные развлечения были частью идеологической, пропагандистской деятельности двора Романовичей, так же как и других русских князей того времени, они были призваны повышать авторитет государя и его власти. Но сами по себе они были не в состоянии решать основные задачи внутренней и внешней политики князей. Двор все же играл вспомогательную, служебную роль. В оптимальном случае двор способствовал деятельности государя, в других — лишь сопровождал, а то и препятствовал ей. В этом нетрудно убедиться, прослеживая по источникам историю княжеского двора Романовичей.

---

⁵⁸ Повесть временных лет. С. 31.

⁵⁹ Летопись по Ипатскому списку. С. 240.

⁶⁰ Там же. С. 315–316.

А. В. Кузьмин

ОПЫТ КОММЕНТАРИЯ К АКТАМ ПОЛОЦКОЙ ЗЕМЛИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIII — НАЧАЛА XV в.*

Акты — один из важнейших видов письменных источников по социально-экономической и политической жизни Полоцкой земли XIII — начала XV в., а также в целом по истории Северо-Западной Руси. Он длительное время заслуженно привлекает внимание исследователей¹. Характеризуя состав

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 0501-901-05а/б).

¹ Hildebrand H. Das deutsche Kontor zu Polozk // Baltische Monatschrift. Riga, 1873. Bd. 22. N. F. Bd. 4. S. 342–387 (то же на русском языке: Гильдебранд Г. Немецкая контора в Полоцке // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига, 1879. Т. II. С. 44–80); Тихомиров И. [А.] Торговые и мирные сношения русских княжеств с Ливонией в XIII в. // ЖМНП. 1876. № 5. С. 162–174; Бережков М. К. О торговле Руси с Ганзой до конца XV в. СПб., 1879; Соболевский А. И. Смоленско-полоцкий говор в XIII–XV вв. // РФВ. 1886. Т. XV. № 1. С. 7–21; Якубовский И. [В.] Земские привилегии Великого княжества Литовского // ЖМНП. 1903. № 6. С. 276–278, 297–298; Goetz L. K. Deutsch-russische Handelsverträge des Mittelalters. Hamburg, 1916 (Abhandlungen des Hamburgischen Kolonialinstituts. Bd. 37); Stang Chr. S. Die altrussische urkundensprache der Stadt Polozk. Oslo, 1939; Боголюбова Н. Д., Таубенберг Л. И. О древнерусских памятниках XIII–XIV вв. Рижского городского архива // Ученые записки Латвийского государственного университета имени П. Стучки. Рига, 1960. Т. XXXVI. Вып. 6. С. 7–22; Хорошкевич А. Л. Печати полоцких грамот XIV–XV вв. // Вспомогательные исторические